

Попов Алексей
Дмитриевич

6.6.95.

И у театра бывает непредсказуемое прошлое

Труд. — 1995. — 6 июня. — С. 5

"Если хорошо близким, хорошо и мне" — так называлось интервью с Л.И.Касаткиной, опубликованное в "Труде" 18 мая. Поскольку оно, вероятно, уже подзабылось нашим читателям, позволю себе процитировать один абзац:

"...Хочу откровенно выразить свое отношение к статье Алексея Филиппова "Сцена оборонного значения", посвященной нашему театру. В ней немало грубых фактических ошибок: автор, к примеру, не знает, что до Алексея Попова главным режиссером у нас был крупный мастер театра Юрий Завадский. Что Алексея Дмитриевича вовсе не "съели актеры-первачи": он подал заявление об уходе под натиском парткома и по совету сына своего — Андрея Попова. Наконец, в театре сегодня работает не один (как трижды под-

черкивается в статье) верный ученик А.Д.Попова В.Зельдин, но и другие..."

Что тут можно ответить? После такой отповеди — если, конечно, она обоснованна — хоть уходи из профессии. Пусть Юрий Завадский проработал в ЦАТСа всего три года — с 1932-го по 1935-й — и при всей значимости этого для истории советской сцены с темой статьи сей факт не связан, пусть я никого не называл "верным учеником" А.Д.Попова... Но превратить обстоятельства ухода Алексея Дмитриевича, классика советской сцены, подлинного создателя ЦАТСа, на несколько десятков лет превратившего его в один из интереснейших театров страны! Нет, такого прощать нельзя — здесь уважаемая Людмила Ивановна трижды права.

Интервью Л.И.Касаткиной

имело резонанс: мне звонили и режиссеры, и театроведы, но все они почему-то рассказывали о расставании А.Д.Попова с ЦАТСа иначе, чем это запомнилось Людмиле Ивановне. Мои собеседники слово в слово повторяли одно: Алексею Дмитриевичу, когда он в очередной раз пришел за зарплатой, подали в окно кассы выходное пособие вместе с золотыми часами — за многолетнюю службу. Старый режиссер взялся за сердце, сел на пол прямо у кассы... А потом встал и ушел и до самой смерти не переступал порог ЦАТСа.

Я разубеждал их, как только мог. Людмила Ивановна пришла в ЦАТСа в 1947 году; Алексей Дмитриевич был ее учителем, а она — его верной ученицей; Людмила Ивановна отлично помнит даже то, что происходило в театре в середине тридцатых, —

очевидно, мы все стали жертвой коллективного заблуждения... Но для очистки совести решил обратиться к тем, кто знает обстоятельства дела не понаслышке. Слово Б.А.Львову-Анохину, главному режиссеру Нового Драматического театра, работавшему вместе с Алексеем Дмитриевичем, находившемуся рядом с ним, когда все это происходило:

— В последние годы своего пребывания в ЦАТСа Алексей Дмитриевич Попов был очень одинок. Он устал от огромной сцены, с которой ему всю жизнь приходилось сражаться, от засилья военного репертуара... Это одиночество было вызвано и некоторым охлаждением по отношению к нему со стороны актеров. Я знаю, что в ГлавПУР приходили письма, где говорилось, что Алексей Дмитриевич

ослабил ритм работы, что он редко бывает в театре, недостаточно "волево" руководит... Очевидно, это было известно и Попову. Я не могу поручиться за справедливость своих слов, но мне думается, что отставка Попова была неожиданна для него самого, и заявления об уходе он не подавал...

После этого я позвонил вдове сына его, Андрея Попова, бывшей артистке балета Большого театра Ирине Владимировне Македонской. Вот что она мне сказала:

— Никаких заявлений Алексей Дмитриевич не подавал: увольнение обрушилось на него как снег на голову. Он пришел в театр получать зарплату, а ему сказали, что он здесь больше не работает. В течение последнего года своей работы в ЦАТСа Алексей Дмитриевич много бо-

лел, мало появлялся в театре. Вероятно, кто-то из труппы звонил по этому поводу в ГлавПУР, вероятно, было предательство среди актеров... Простите, мне тяжело об этом говорить.

...Театр жесток, театр порой бывает грязен. Служение ему еще никого не озолотило: тем больше оснований делать это, не лукавя ни перед собой, ни перед другими. Для тех, кто пишет о сцене, безопасней и приятней прикармливать людей театра комплиментами — однако много ли будет пользы от этого? Критик порой делает режиссеру, актеру больно, но боль своему пациенту причиняет и врач. Можно прогнать врача, можно заставить замолчать критика — но кому от этого в результате станет лучше?

Алексей Филиппов.